

РОМАН *газета*

№11 (143)

1957

Михайло Стельмах

КРОВЬ ЛЮДСКАЯ - НЕ ВОДИЩА

РОМАН-ГАЗЕТА

11 (143)

1957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

*Многоуважаемому
Константину Александровичу
Редкину
с робкой надеждой на прочтение и
отзыв, хотя бы усмешку!
Михайло Стельмах переводчик
Вл. Россельс*

КРОВЬ ЛЮДСКАЯ — НЕ ВОДИЦА 5. X. 57.

РОМАН

I

С тех пор как Степан Кушнир получил откормленную помещицью корову, он всякий раз принёс на комбедовские собрания завернутый в тряпицу кусочек масла. Станет человек возле тяжёлого, на раскоряченных ногах дворянского стола, над которым когда-то мерцали хрусталем пышные люстры, и сосредоточенно стругает обломком косы масло в глиняную пузатую плошку, похожую не то на головку игрушечного человечка, не то на округлый узелок корня.

Мужики, рассевшись на лавках, безбожно чадят самосадам, пересмеиваются:

— Так и помрет человек без скромного из-за этой плошки!

— Степан знает, чего постится: хочет поскорей до рая добраться!

— Эге, так его и пустят, девчатника!

— Степан, ты бы хоть губы маслом помазал!

— Обойдется, обойдется! И без того они девкам любви.

Молодецватый, тугой, как желудь, Степан блеснет веселым маленьким глазом, подтянет пальцами черный ноздреватый фитиль, вытрет руку о русые волосы и, посерьезнев, степенно выходит за дверь — следить, чтобы никакая контра не сунулась подслушивать речи про бедняцкие дела.

Зоркий глаз его и в осенние ночи улавливал неверные тени, сновавшие возле бывшего поме-

щичьего дома. Степан вихрем налетал на них, и не раз, бывало, голос уездного начальства или Мирошниченка перебивало воркованье под окнами:

— Ступай, ступай от света!

На эти слова собрание отзывалось дружным хохотом:

— Опять Степан богачей агитирует!

А голубиное воркованье в темноте продолжалось:

— Уматывай, уматывай, гидра, от наших окон, а то и в свои двери не попадешь!

Собрание затихало, и все весело поворачивали головы к выходу: тут можно было наблюдать и куда более доходчивую агитацию, только уже руками, — не для кулацкого же отродья в самом деле осветил полуразрушенный помещичий дом фронтовик Степан!

Но сегодня он пришел на собрание с пустыми руками и, в безнадежности сам похожий на тень, примостился на покосившейся веранде, возле холодной, с бараньими завитками вверх колонны. Его красные и короткопалые, словно осенние кленовые листья, руки, то, дрожа, барабанили по бездушному мрамору, то с размаху падали на праздничные, протертые на коленях штаны. Мир для него померк, а грудь сжимало тоскливой, щемящей болью.

Бедняки молча проходили мимо Кушнира, — его тоска омрачала и их лица: позавчера, после